

чений с наименованием масти лошадей (из испанских прилагательных к ним можно отнести *bruno*, *blanco*, *gris*).

Однако справедливо и то, что отдельные заимствования вряд ли можно связать с мастью лошадей. Некоторые исследователи полагают, что какую-то роль сыграли изменения в тканях и одежде; например, изменилась техника выделки и крашения материалов, в том числе благодаря приемам, привнесенным германцами.

Для этого слоя лексики характерны ранние галлицизмы и провансализмы (заимствования из французского и окситанского языков) — *marrón*, *beige*. Причины их появления не очевидны. Кроме того, в XX в. появилось много заимствований из французского в языке моды. В большинстве своем они так и остались экзотизмами, до сих пор не вполне ассимилированными испанским языком. Таково, например, прилагательное *beige* «бежевый», которое или не изменяется по числам. В последние годы язык моды изобилует англицизмами, нередко дублирующими галлицизмы: *color beige-brown* (пример из журнала моды).

Среди других заимствований следует также отметить **арабизмы**: *azul* от араб. *lazurd*, *añil* от араб. *an-nil*. Причины их появления испанском языке вполне очевидны: большая часть Пиренейского полуострова была завоевана арабами, язык которых оставил неизгладимый след в испанской лексике.

Таким образом, в систему цветообозначений испанского языка вошло значительное количество слов, заимствованных из других языков:

*jalde* от древне-французского *«jalne»*,

*Beige* от французского *beige*,

*punzó* от французского *ponceau*,

*marrón* от французского *marron*,

*blanco* от германского *blank*,

*gris* от германского *grisi*,

*azul* от арабского *lazurd*,

*añil* от арабского *an-nil*,

*caqui* от английского *«khaki»*.

### АНАЛОГИЯ КАК ОСНОВНОЙ МЕХАНИЗМ ПОРОЖДЕНИЯ ВТОРИЧНЫХ ЗНАЧЕНИЙ (на материале немецких глаголов)

**Фурашова Н. В.**, Минский государственный лингвистический университет

Современная парадигма лингвистических исследований отличается, например, от ее непосредственной предшественницы — структурной лингвистики — тем, что анализирует язык не сам по себе или язык в себе, а в связи с концептуальными структурами. Языковые единицы рассматриваются как объективация концептуальных структур, а язык — как одна из когнитивных способностей, тесно связанных со всеми остальными. Тогда следует признать, что в основе всех когнитивных процессов лежат единые механизмы.

Одним из таких универсальных механизмов является аналогия, имеющая целый ряд проявлений в языке. Для данного доклада интерес представляет действие механизма аналогии в процессах порождения вторичных значений прототипических конкретных глаголов в немецком языке типа *kochen* «варить», *binden* «связывать», *stechen* «колоть», *brechen* «ломать» и под. Сфера референции рассматриваемых глаголов постоянно расширялась за счет вовлечения в нее новых ситуаций и объектов, по какому-либо параметру отклонявшихся от тех, которые входили в первичную структуру опыта, зафиксированную данными глаголами. Это приводило к выделению новых значений. Например, для глагола *schneiden* «резать» типичными инструментами являлись серп, нож, пила, а объектами воздействия соответственно — растения, дерево, продукты питания

и под. Появление скальпеля для воздействия на тело человека привело к тому, что данная ситуация была подведена под глагол *schneiden*, но это привело к выделению нового значения «оперировать».

Хотя определенная аналогия присутствует в процессах, описанных выше, их следует, скорее, рассматривать как обобщение, абстрагирование от определенных различий. Описанные выше ситуации, подводимые под знак *schneiden*, объединены тем, что имеют референтную отнесенность к миру оstenсивно выделяемых объектов. Аналогия же проявляется, на наш взгляд, особенно ярко тогда, когда конкретный, чувственно-физический опыт служит для представления более абстрактного опыта. Например, испытав укол шипом, колючкой, жалом осы, субъект сравнивает с данным опытом ощущения от воздействия на него таких объектов как лучи солнца, взгляд какого-л. человека, дыма и др., проводит аналогию с ним, что становится основанием для номинации этих ситуаций глаголом *stechen* «колоть». Имея опыт закалывания животных, когда после извлечения ножа из нанесенной животному раны «хлышет» кровь, человек проводит аналогию между ним и ситуацией извлечения пробки из бочки с красным вином, которое под напором вытекает через образовавшееся отверстие — *ein Faß anstechen* «вскрыть бочку с вином». И хотя данная ситуация имеет референтную отнесенность к оstenсивно выделяемым объектам, она принципиально отличается от приведенных в начале статьи: здесь имеет место аналогия между двумя разными доменами — мир живой и не живой.

Убедительным подтверждением основной идеи данной статьи может служить и такой немецкий глагол как *kratzen* «царапать, чесать», именующий ситуацию воздействия чем-либо острым (ногти, когти, нож и под.) на поверхность чего-либо. Если говорить о теле человека, то проведение ногтями по тому месту, где ощущается зуд, вызывает приятное чувство. Другие ситуации типа кошка царапает вызывают раздражение. Проведение аналогии с тем или другим опытом и приводит к разным вторичным значениям данного глагола, например: *Das Lob hat ihn mächtig gekratzt* «Похвала ему была очень приятна (букв.: приятно почесала его)», *Der Wein kratzt im Hals* «Вино «дерет» (царапает в горле), *der neue Pullover kratzt fürchterlich* «новый свитер ужасно царапает», *Die Kritik kratzt ihn nicht* «Критика его не раздражает (букв.: не царапает)».

Воздействие острого объекта на поверхность другого часто сопровождается определенным звуком (ср.: скрести ножом по кастрюле, очищая ее или под.), который ощущается субъектом как неприятный. Этот опыт становится ориентиром при восприятии других звуков и номинации их также глаголом *kratzen*, например: *auf der Geige kratzen* «букв.: царапать на гитаре». Такое значение рассматриваемого глагола как «испытывать ограничения, с трудом зарабатывать себе на жизнь» родилось на основе аналогии с другим практическим опытом, когда на дне емкости для хранения, например, муки буквально соскребались последние остатки (ср. русск.: по сусекам поскрести).

Таким образом, каждое вторичное значение глагола рождается при проведении аналогии с конкретным чувственно-практическим опытом, с конкретной отдельной практической ситуацией из множества тех, что оказались подведенными под какой-либо глагол.

В заключение следует подчеркнуть, что мы принципиально различаем метафору и аналогию. Метафора — явление языковое. Даже если говорить о концептуальной метафоре, введение которой в лингвистический дискурс имело целью сместить фокус в описании этого явления с уровня языка на концептуальный уровень. К тому же в понимании этого термина нет однозначности и единства. Аналогия — без сомнения механизм когнитивный, и в этом преимущество данного термина, так как он однозначно ориентирует на когнитивный уровень при описании и объяснении языковых явлений.